



Распределение показателей двойственного числа существительных в селькупском языке (корпусно-ориентированный подход)

С.В. Ковылин, ORCID: 0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>

Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН,
Россия, 109004, г. Москва, ул. А. Солженицына, д. 25.

Аннотация. Статья посвящена выявлению распределения маркирования двойственного числа существительных аналитическим и синтетическим способом в южных, переходных, центральных и северных диалектах и говорах селькупского языка. В качестве материала послужили корпусные данные объемом более 85000 словоформ, расположенные на цифровой платформе Lingvodoc и в личных архивах (файлы программы Fieldworks Language Explorer), а также общие грамматические и лексические труды по языку. Было выявлено, что использование базового селькупского суффикса двойственного числа $-q(V)$ вместе с существительными в селькупских диалектах распределено неоднородно – показатель не обнаруживается в ряде материалов, когда присоединяется напрямую к основе (переходные говоры, южная часть нарымского диалекта), однако используется везде с одушевленными существительными, обозначающими совокупность двух однородных предметов при помощи суффиксов взаимной связи $-sa-$ и собирательного множества $-mi-$. В южной части нарымского диалекта и в переходных говорах фиксируются новообразования дуалиса в виде показателей $-štja$ или $-štjaq(V)$. В васюганских и северных материалах представлены случаи появления удвоенного дуалиса с суффиксами взаимной связи или собирательного множества: $-sa-$ / $-mi-$ + $-qV-q(V)$. Следует отделять более северную и южную части нарымского диалекта, где в первом случае появляется суффикс двойственного числа $-q(V)$, а во втором отмечаются инновации в виде $-štja$ и $-štjaq(V)$. Во всех селькупских материалах главной или одной из главных стратегий маркирования двойственности существительных является аналитическая стратегия, при которой используется числительное *sitte* ‘два’ и существительное в единственном (в отдельных случаях во множественном) числе.

Ключевые слова: селькупский язык, дуалис, корпусная лингвистика, существительное.

Для цитирования: Ковылин С.В. Распределение показателей двойственного числа существительных в селькупском языке (корпусно-ориентированный подход). Труды ИСП РАН, том 37, вып. 3, 2025 г., стр. 225–236. DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(3)-16.

Благодарности: Исследование автора было поддержано грантом Российского научного фонда № 20-18-00403 “Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных”.

Distribution of the Dual Number Markers of Nouns in Selkup (Corpus-Oriented Approach)

S.V. Kovylin, ORCID: 0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>

*Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
25, Alexander Solzhenitsyn st., Moscow, 109004, Russia.*

Abstract. The paper is devoted to the identification of the distribution of the dual number markers of nouns in an analytical and synthetic way in the southern, transitional, central and northern dialects and subdialects of Selkup. The material of the study is corpus data of more than 85,000 wordforms located on the digital platform “Lingvodoc” and in personal archives (Fieldworks Language Explorer files), as well as general grammatical and lexical papers on the language. It was revealed that the use of the basic Selkup suffix of the dual number -*q(V)* with nouns in Selkup dialects is distributed heterogeneously – the marker is not found in a number of materials, when it is attached directly to the stem (transitional subdialects, the southern part of the Narym dialect), however, it is used everywhere with animate nouns, denoting the complex of two homogeneous objects via the suffixes of the mutual connection -*sa-* and the collective set *mi-*. In the southern part of the Narym dialect and in transitional subdialects new dualis formations are recorded in the form of the markers -*štja* or -*štjaq(V)*. In the Vasyugan and northern materials cases of the doubled dualis with the suffixes of the mutual connection or the collective set are presented: -*sa-* / -*mi-* + -*qV-q(V)*. It is necessary to separate the more northern and southern parts of the Narym dialect, where in the first case, the suffix of the dualis -*q(V)* appears, and in the second, innovations in the forms of the dualis like -*štja* and -*štjaq(V)* are noted. In all Selkup materials the main or one of the main strategies for marking the duality of nouns is an analytical strategy, which consist in the use of the numeral *sitte* ‘two’ and the noun in the singular (in some cases in the plural).

Keywords: Selkup language, dualis, corpus linguistics, noun.

For citation: Kovylin S.V. Distribution of the dual number markers of nouns in Selkup (corpus-oriented approach). *Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS*, vol. 37, issue 3, 2025, pp. 225-236 (in Russian). DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(3)-16.

Acknowledgements. This paper was supported by the grant RNF № 20-18-00403 “Digital description of the dialects of the Uralic languages based on the analysis of big data”.

1. Введение

Проблема отражения двойственного числа в селькупских диалектах уже рассматривалась в различных работах, среди которых отдельно стоит отметить труды Е. Г. Беккер (и др.) [1, 2], Н. П. Максимовой [3], А. И. Кузнецовой (и др.) [4, 5], О. А. Казакевич [6], А. В. Байдак и Н. С. Гнездиловой [7], Г. П. Поздеевой [8]. В данных научных изысканиях обсуждается выражение двойственности в целом и маркирование суффиксами дуалиса существительных, местоимений, числительных, глаголов, отражение суффиксов в категории посессивности, а также единичное и множественное маркирование показателями двойственности различных конструкций в предложении. Анализ литературы показывает ‘неоднородную’ тенденцию к редукции или исчезновению показателей суффиксов дуалиса на разных языковых территориях. Также сразу отметим, что в южных диалектах (южных, переходных и центральных в нашей терминологии) одушевленность/неодушевленность имени существительного не влияет на употребление дуалиса, в то время как в северных диалектах неодушевленные существительные достаточно редко употребляются с ним [7].

Целью исследования является анализ распределения маркирования двойственности существительных аналитическим и синтетическим способом в южных, переходных, центральных и северных диалектах и говорах селькупского языка.

В качестве материала послужили корпусные данные, расположенные на цифровой платформе Lingvodoc [9] либо в личных архивах (файлы программы Fieldworks Language

Explorer), состоящие из глоссированных текстов архива лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (далее ЛЯНС) [10], текстов и словарей М. А. Кастрена [11], Н. П. Григоровского [12-15], св. Макария (Невского) [16, 17] и Л. Шабо [18]. Общий объем корпусных данных составляет более 85,000 словоформ. Также при анализе использовался словарь северных диалектов [19] и данные приведенных ранее грамматик и статей [1-8].

С одной стороны, исследование опирается на корпусные методы, что позволяет увидеть распределение явлений на основе анализа относительно больших для бесписьменного языка данных. С другой стороны, используются фактические данные словарей и статей, в том числе формализованные, для создания полной картины дистрибуции дуалиса т.к. не для всех рассматриваемых материалов есть корпуса и соответственно статистика распространения явлений.

В работе используется классификация диалектов Т. Янурика [20], с разделением территории на

- северную группу – включает диалекты:

- 1) тазовский;
- 2) ларьякский (верхнетолькинский);
- 3) карасинский;
- 4) туруханский;
- 5) баихинский;
- 6) елогуйский;

- центральную группу:

- 7) ваховский;
- 8) тымский;
- 9) васюганский;
- 10) нарымский;

- южную группу:

- 11) среднеобской;
- 12) чаинский;
- 13) кетский;
- 14) верхнеобской;
- 15) чулымский.

В нашем исследовании дополнительно выделяется переходная группа в виде иванкинского говора среднеобского диалекта.

2. Общие положения

Перед тем как перейти к анализу распределения маркирования дуалиса рассмотрим наиболее важные положения, отраженные в предыдущих исследованиях.

Так, использование суффиксов двойственного числа имен существительных по диалектам представлено в таблице Э. Г. Беккер [2], однако отсутствие в ее работе многих примеров, подтверждающих данное распределение, а также вопросы, связанные с прототипичностью использования ряда суффиксов на отдельных языковых территориях, вынуждает нас еще раз проанализировать дистрибуцию маркеров дуалиса по диалектам и говорам. Предложенная далее модель из работы Э. Г. Беккер, однако, с существенными дополнениями, была взята за основу нашего исследования (См. Табл. 2). Представим оригинал.

Табл. 1. Использование суффиксов двойственного числа имен существительных в диалектах селькупского языка [2].

Table 1. Use of the dual noun suffixes in the dialects of the Selkup language [2].

Суффиксы дв. числа	Сель. (Таз)	Чум. (Тым)	Чум. (Васюган)	Чум. (Ср. Обь)	Шеш. (Ср. Обь)	Сюс. (В. Обь)	Сюс. (Кеть)
-q(V) и его ФВ	+	+	+	+	-	+	+
-ReR и его ФВ	+	+	+	-	-	-	-
-štja и его ФВ	-	-	-	+	+	-	-
-štjaq и его ФВ	-	-	-	+	-	-	-
-sak и его ФВ	+	+	+	+	+	+	+

В целом двойственное число существительных в селькупских диалектах и говорах может быть выражено при помощи суффиксов: 1) -q(V) ‘DU’ (также -āqi / -ōqi ‘DU’) (ПУ *-ka~ -kā + *-n или *-ń [21]), 2) -štja (*šitə ‘два’ > -št- ‘DU’ + -ja ‘DU’), 3) -štjaq(V) (*šitə ‘два’ > -št- ‘DU’ + -ja- ‘DU’ + -q(V) ‘DU’), 4) -ja ‘DU’.

Также показатель двойственного числа наблюдается в сочетании с маркером взаимной связи -sa- ‘RECIP’: -saqV (-sa-qV ‘RECIP-DU’), -syqāqV (-sy-qā-qV ‘RECIP-DU-DU’); и собирательной множественности -mi ‘COLL’: -miq(V) (-mi-q(V) ‘COLL-DU’), -miqVq(V) (-mi-qV-q(V) ‘COLL-DU-DU’) для обозначения совокупности однородных предметов, например, терминов родства или близких связей. В материалах по северным диалектам [4, 19] можно обнаружить, что суффикс собирательной множественности представлен в виде единого маркера -jmi- ‘COLL’ или -lmi- ‘COLL’, однако следуя за Г. Н. Прокофьевым [22], здесь и далее логично рассматривать его как два отдельных показателя: -j / -l ‘ADJz’ + mi- ‘COLL, вещь’, тем более, что в ряде случаев первый элемент -j / -l ‘ADJz’ отсутствует. Также активно используется аналитический способ выражения двойственности, заключающийся в использовании числительного sitte ‘два’ (иногда к числительному может дополнительно добавляться маркер дуалиса) и существительного в единственном, а иногда и множественном числе. Случаи двойного маркирования суффиксами дуалиса отдельно не рассматриваются (например, два-DU + сущ.-DU). Суффиксы дуалиса числительных и местоимений целенаправленно не включены в данный раздел, т.к. они имеют другое распределение.

3. Дистрибуция способов маркирования двойственного числа существительных

Далее производится попытка проанализировать распределение маркирования двойственности существительных аналитическим и синтетическим способом в южных, переходных, центральных и северных диалектах и говорах селькупского языка на материале XIX-XXI вв. Дистрибуция данных способов представлена в Табл. 1.

На основании данных таблицы можно увидеть, что в отдельных диалектах и говорах суффиксы существительных двойственного числа не зафиксированы. Это может быть обусловлено недостаточным объемом материалов, что, в частности, относится к данным XIX в. С другой стороны, как уже отмечалось, в селькупской академической литературе на примерах отдельных диалектов действительно отмечаются тенденции к утрате суффиксов двойственного числа [5, 6] и незасвидетельствованность суффиксов в материалах из таблицы действительно может говорить об их выходе из повседневного употребления. Рассмотрим более подробно данные явления.

Табл. 1. Распределение способов маркирования двойственного числа существительных.

Table 1. Distribution of the marking ways of the dual number of nouns.

Южные	XIX в.					
	Григоровский (н.-чаин.)		Кастрен (чаин.)	Кастрен (чул.)	Кастрен (н.-кет.)	Кастрен (в.-кет.)
	- <i>зи</i> (1), - <i>зынь</i> (> - <i>зык</i>) (RECIP.DU) (1), числ. <i>sədə</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (21), самопер. тексты: - <i>гъ</i> (1), - <i>ягы</i> (2), - <i>мыги</i> (COLL.DU) (1)		- <i>sɬ</i> (RECIP.DU)	-	числ. <i>sitte</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (2)	-
	XX в.					
		ЛЯНС (Сон. ср.- об.)			ЛЯНС (кет.)	
		- <i>χ</i> [3], - <i>зүә</i> (- <i>зәq</i>) (RECIP.DU) (6), числ. <i>sədə</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (11)			- <i>Ri</i> [3], (н.-/ср.-кет.) - <i>zeqi</i> (- <i>ziqqi</i>) (RECIP.DU) (31), (в.-кет.) - <i>miq</i> (- <i>mqə</i>) (COLL.DU) (5), числ. <i>sittə</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (18)	
Переходные	XIX в.					
	Кастрен (Ив. ср.-об.)			Макарий (Ив. ср.-об.)		
	- <i>sɬi</i> (RECIP.DU) (1), числ. <i>šede</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (36)			числ. <i>шиты</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (3)		
	XX в.					
	ЛЯНС (Ив. ср.-об.)					
	- <i>štja</i> [3], - <i>siq</i> (RECIP.DU) (2), числ. <i>šit</i> ‘два’ + сущ. (в SG или PL) без суф. DU (28)					
Центральные	XIX в.					
	Кастрен (нар.)	Макарий (Нар. нар.)		Кастрен (тым.)		
	- <i>ka</i> / - <i>ga</i> / - <i>ox</i> / - <i>eh</i> , числ. <i>šeda</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (1)	числ. <i>шед</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (1)		-		

Центральные	XX в.				
	ЛЯНС (нар.)		ЛЯНС (вас.)	Шабо (Нап. тым.)	ЛЯНС (тым.)
	-<i>štjaR</i> (-<i>ščaR</i>, -<i>štijaye</i>, -<i>štijah</i>) (16), -<i>štja</i> (-<i>štija</i>) (8), -<i>səR</i> (-<i>sär</i>, -<i>ssih</i>) (RECIP.DU) (23), числ. <i>šede</i> ‘два’ + сущ. (в SG (1 пример PL)) без суф. DU (78)		-<i>R</i> (-<i>k</i>, -<i>ga</i>) (35), -<i>saR</i> (RECIP.DU) [3], -<i>miReR</i> (-<i>mReR</i>) (COLL.DU) (12), числ. <i>šidi</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (21)	-<i>štja</i> (DU) (1), -<i>la-štja</i> (PL-DU) (2)	-<i>R</i> (-<i>y</i>) (6), -<i>ja</i> (1), -<i>šəR</i> [3], числ. <i>šidə</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU (36)
Северные	XIX в.				
	Кастрен (таз.)			Кастрен (баи.)	Кастрен (кар.)
	<i>-g</i> / <i>-ag</i> / <i>-eäg</i> / <i>-äag</i> / <i>-og</i>			<i>-óg</i>	<i>-ag</i> / <i>-ga</i> / <i>-x</i> / <i>-óg</i>
	XX–XXI в.				
	Кузнецова и др. [4], Казакевич [5], Казакевич, Будянская [19] (ср.-таз.)	Казакевич [6], Казакевич, Будянская [19] (в.-таз.)	Казакевич [6] Казакевич, Будянская [19] (в.-тольк.)	Кузнецова [5], Казакевич [6] (мат. Л.А. Варковицкой (1941)) (баи.)	Кузнецова [5], Казакевич [6] (1998-1999, 2003) (тур.)
	-<i>q̣i</i>, -<i>äq̣i</i>, (-<i>j</i> после <i>ō</i> или <i>ä</i>), -<i>syq̣äq̣i</i> (RECIP.DU), -<i>мы̆ṣäṣi</i> (COLL.DU), числ. <i>šitty</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU суф. DU сохр.	-<i>q̣i</i>, -<i>syq̣äq̣i</i> (RECIP.DU), числ. <i>šitty</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU суф. DU сохр.	-<i>мўḥäḥy</i> (RECIP.DU), числ. <i>иитты</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU суф. DU сохр.	-<i>oq̣i</i>, -<i>syq̣äq̣i</i> (RECIP.DU), числ. <i>šitty</i> ‘два’ + сущ. без суф. DU суф. DU сохр.	-<i>qa</i> (DU) (редко), -<i>ōq̣i</i> в сочетании <i>sitty qimōq̣i</i> ‘они двое’, -<i>syq̣äq̣i</i> (RECIP.DU) (сохр.), -<i>syq̣ä</i> (RECIP.DU) (сохр.), числ. <i>šitty</i> ‘два’ + сущ. (в SG или PL или RECIP.PL) без суф. DU суф. DU не сохр.

В южных материалах XIX–XX вв., а именно в нижнечаинском идиоме Н. П. Григоровского XIX в., сондровских и кетских данных ЛЯНС за XX в. зафиксированы отдельные примеры использования суффикса *-gi* ‘DU’ с основами существительных. Далее в этих же материалах, а также в чаинских данных М. А. Кастрена XIX в., наблюдается использование показателя *-q(V)* ‘DU’ вместе с суффиксами *-sa-* ‘RECIP’ и *-mi-* ‘COLL’, которые появляются только с одушевленными объектами: (ср.-об., н.-ср.-кет.) *-saqV* (> *-san*) ‘RECIP.DU’, (в.-кет.) *-miq(V)* ‘COLL.DU’. Самым распространенным способом кодирования дуалиса во всех южных данных XIX–XX вв. является использование аналитической конструкции, состоящей из числительного *sitte* / *sədə* ‘два’ и существительного в единственном числе. Отдельно упомянем самопереведенные тексты Н. П. Григоровского XIX в., где дополнительно встречаются примеры с *-gъ* ‘DU’, *-ягы* (н.-ср.-кет.) ‘DU-DU’ ‘DU’ и *-мыги* ‘COLL.DU’.

Юж. XIX в.

Григоровский (н.-чаин.): 1) (ориг.) *эра́ пая́-ги* (DU) ‘старик со старухой’, *а́льдзига́-зынъ* (RECIP.DU) ‘с бабушкой вдвоем (Итя)’, *сыдъ сырь* ‘две коровы’; 2) (самопер.) *крѡста-гъ* (DU) ‘два креста’, *разбѡйныкъ-ягъ* (DU) ‘разбойники’, *апѡстоль-ягы-мъ* (DU-ACC) ‘апостолов’, *Вапу́йл-мыги* (COLL.DU) ‘Вафуил и его жена’;

Кастрен (чаи.): *debe-sъ* (RECIP.DU) ‘муж с женой’;

Кастрен (н.-кет.): *sitte kum* ‘два человека’, *sitt_ade* ‘два оленя’.

Юж. XX в.

ЛЯНС (Сон. ср.-об.): *arraga-χ* (DU) ‘два старика’ [3], *éra pajá-zaq* (RECIP.DU) ‘муж с женой’, *sədə né:t* ‘две дочери’;

ЛЯНС (кет.): (БЯ) *tiχbiñña-Ri* ‘два брата’ [3], (YO) *oppo-ziqqi* (RECIP.DU) ‘две сестры’, (Марк.) *essa-miq* (COLL.DU) ‘родители двое’, (YO) *šittə tuto* ‘два караса’.

В переходных иванкинских данных среднеобского диалекта XX в. М. П. Максимовой наблюдаются примеры использования суффикса *-štja* (*-št-ja* ‘DU-DU’) ‘DU’ [3]. В свою очередь в материалах XIX в. М. А. Кастрена и данных ЛЯНС за XX в. фиксируются случаи использования суффикса *-q(V)* ‘DU’ вместе с суффиксом взаимной связи *-sa-* ‘RECIP’ при терминах родства: *-saqV* ‘RECIP.DU’. Основной стратегией маркирования двойственности существительных во всех иванкинских материалах XIX–XX вв. является использование аналитической конструкции, состоящей из числительного *šede* / *šit* ‘два’ и существительного в единственном числе. Стоит также отметить, что во многих примерах за XX в. из данных ЛЯНС фиксируется стратегия, демонстрирующая появление суффикса множественного числа на существительных в конструкции с числительным *šit* ‘два’ при обозначении двойственности.

Перех. XIX в.

Кастрен (Ив. ср.-об.): *debi-sъi* (RECIP.DU) ‘муж с женой’, *šede got* ‘два человека’;

Макарий (Ив. ср.-об.): *шиты пар* ‘два раза’, *шит квыл-зе* (COM) ‘(с) двумя рыбами’.

Перех. XX в.

ЛЯНС (Ив. ср.-об.): *tebiłgu-štja* (DU) ‘два парня’ [3], *ara: paja:-siq* (RECIP.DU) ‘муж с женой двое’, *šit kone:r* ‘два барана’, *šed pay* ‘два ножа’, *šit t'emn 'a-la-n-ze* (PL-GEN-COM) ‘с двумя братьями’.

В центральных диалектах использование суффикса *-q(V)* ‘DU’ с основами существительных наблюдается только в нарымских данных М. А. Кастрена XIX в., васюганских и тымских текстах ЛЯНС за XX в. В нарымских материалах ЛЯНС за XX в., относящихся к более южной части нарымского ареала (выше по течению Оби), вместо суффикса *-q(V)* ‘DU’ используются составные показатели двойственности *-štja* (**šitə* ‘два’ > *-št-* ‘DU’ + *-ja* ‘DU’), *-štjaq(V)* (**šitə* ‘два’ > *-št-* ‘DU’ + *-ja-* ‘DU’ + *-q(V)* DU’), что является инновацией. Суффикс *-štja* (*-št-ja* ‘DU-DU’) ‘DU’ (один пример), а также составной *-la-štja* ‘PL-DU’ (два примера) также были зафиксированы в тымском (смешанном) идиоме Л. Шабо, что, предположительно, может

характеризовать его 'нарымские' черты. Судя по всему, следует отделять северную часть нарымского ареала с центром в Нарыме и более южную территорию вверх по течению, т.к. в первом случае с основами существительных используется суффикс *-q(V)* 'DU', а во втором отмечаются инновации в виде *-štja* (*-št-ja* 'DU-DU') 'DU' и *-štjaq(V)* (*-št-ja-q(V)* 'DU-DU-DU') 'DU'. Дополнительно, в тымских материалах зафиксирован лишь один пример существительного с суффиксом *-ja* 'DU'. Примеры с объектами, обозначающими термины родства, с показателем *-q(V)* 'DU' вместе с суффиксом взаимной связи *-sa-* 'RECIP' отмечаются в нарымских, васюганских и тымских данных ЛЯНС за XX в. Также примеры с терминами родства и суффиксом *-q(V)* 'DU' или удвоенным показателем *-qV-q(V)* 'DU-DU' и суффиксом собирательной множественности *-mi-* 'COLL' обнаружены только в васюганских материалах ЛЯНС за XX в. Способом кодирования двойственности существительных, который отмечается во всех центральных материалах XIX–XX вв. (кроме данных XX в. Л. Шабо), является аналитическая стратегия, заключающаяся в использовании числительного *šede / šidi* 'два' и существительного в единственном числе. В нарымском, васюганском и тымском диалектах по данным ЛЯНС за XX в. это является одной из основных стратегий кодирования двойственности. Также встретился один пример использования числительного *šede* 'два' с существительным во множественном числе в нарымских данных ЛЯНС за XX в.

Центр. XIX в.

Кастрен (нар.): *mát-ka* (DU) 'два дома', *hir-ga* (DU) 'две коровы', *ud-óh / ud-óh* (DU) 'две руки', *kega-eh* (DU) 'две реки', *šeda_gop* 'два человека';

Макарий (нар.): *šed odo-m-ð* (ACC-POSS.3SG) 'две руки его'.

Центр. XX в.

ЛЯНС (нар.): (Кён., Нель.) *nade-štjaR* (DU) 'две девушки', (Соис., Нель.) *qu-štija* (DU) 'два человека', (Лас.) *č'imn 'á-səR* (RECIP.DU) 'два брата', (Тюх.) *šedi č'undə* 'две лошади', (Пуд.) *šede nadek* 'две девочки', (Соис., Кен.) *šidi kana-la* (PL) 'две собаки';

ЛЯНС (вас.): (Воль.) *paja-R / paja-k* (DU) 'две старухи', (Воль.) *heñña-saR* (RECIP.DU) 'две сестры' [3: 107], (Калг.) *ad'al-mReR* (COLL.DU) 'отец с матерью', (Воль.) *šidi haj* 'два глаза';

Шабо (Нап. тым.): *paja-štja-* (DU) 'ваши две жены', *n 'aab-la-štja-* (PL-DU) 'утки две ваши';

ЛЯНС (тым.): (Варг., Нюль.) *era-y* (DU) 'два старика', (Варг., Нюль.) *nede-ja* (DU) 'две девочки', (Ванж.) *ieñña-šəR* (RECIP.DU) 'два брата' [3], (Варг.) *šidə šiy* 'два соболя', (Варг.) *šidə koryo* 'два медведя'.

В материалах М. А. Кастрена XIX в. кодирование двойственности зафиксировано только частично, ввиду небольшого количества материала. Так единственной обнаруженной стратегией является использование суффикса *-q(V)* 'DU' с основами существительных в тазовских, баихенских и карасинских материалах. Во всех северных диалектах XX–XXI вв. в разной степени наблюдается использование суффиксов *-q(V)* 'DU', *-āq̄i / -ōq̄i* 'DU' с более полной их утратой в туруханских данных. В среднетазовском после гласного *ō* или *ā* окончание *-q(V)* 'DU' может отпадать или заменяться *j* или *j*-образный призвук: *-j* 'DU' [4: 168]. Одним из основных способов кодирования двойственного числа существительных является аналитическая стратегия с числительным *šitty* 'два' и существительным в единственном числе. В туруханских материалах отмечаются гибридные аналитические стратегии, когда за числительным *šitty* 'два' идет существительное с *-t* 'PL' или с *-šy-* 'RECIP' и *-t* 'PL'. А. И. Кузнецова и О. А. Казакевич в своих исследованиях рассматривают баихенские материалы Л. А. Варковицкой 1941 г. и туруханские материалы 1990–1999, 2003 гг. в рамках диахронии одного баихенского диалекта, где к концу XX в, началу XXI в. отмечена почти полная утрата суффиксов двойственности у существительных, за исключением редких упомянутых в таблице случаев (в частности в терминах родства с суффиксом *-sy-* 'RECIP') [5, 6]. Во всех северных материалах за XX–XXI в. из записей А. И. Кузнецовой, О. А.

Казакевич и Е. М. Будянской, судя по примерам, сохраняется использование суффикса двойственного числа, однако только при появлении вместе с маркерами взаимной связи *-šy-* или собирательной множественности *-mi-* при терминах родства. Так в средне- и верхнетазовских, баихенских и туруханских материалах отмечено использования суффикса *-sy-* ‘RECIP’ и удвоенного показателя двойственного числа *-qā-qV* ‘DU-DU’. Также в туруханских материалах встречаются примеры с *-sy-* ‘RECIP’ и единственным показателем *-q(V)* ‘DU’. В среднетазовских и вехнетолькинских материалах с терминами родства используется суффикс *-mi-* ‘COLL’ вместе с *-qā-qV* ‘DU-DU’.

Сев. XIX в.

Кастрен (таз.): *lokà-g* (DU) ‘две лисы’, *yn-og* (DU) ‘два ремешка’, *irá-g* (DU) ‘два старика’;

Кастрен (баи.): *yn-óg* (DU) ‘два ремешка’, *ug-óg* (DU) ‘два конца’, *pang-óg* (DU) ‘две вены’;

Кастрен (кар.): *aatā-ag* (-x, -ga) (DU) ‘два оленя’, *kum-óg* (DU) ‘два человека’;

Сев. XX–XXI в.

Кузнецова и др. [4], Казакевич [6], Казакевич, Будянская [19] (Ср.-таз. таз.): *imā-qī* (DU) ‘две женщины’, *qum-āqī* (DU) ‘два человека’, *mosō-j* (DU) ‘два леса’, *ñéñña-syqāqī* (RECIP.DU) ‘две родные сестры’, *амаль-мыḡāḡu* (COLL.DU) ‘родители’, *šitty pōt* ‘два года’;

Казакевич [6], Казакевич, Будянская [19] (В.-таз. таз.): *ima-qī* (DU) ‘две женщины’, *чона-сыḡāḡi* (COLL.DU) ‘два брата’, *šitty kory* ‘два лабаза’;

Казакевич [6], Казакевич, Будянская [19] (в.-тольк.): *iraj-муḡāḡu* (COLL.DU) ‘муж с женой’, *шитты пōры* ‘два раза’;

Кузнецова [5], Казакевич [6] (по мат. Л. А. Варковицкой 1941 г.) (баи.): *šitty qum-oqy* (DU) ‘два человека’, *šitty ñannyl āmā-syqāqu* (COLL.DU) ‘две гагары матки’, *šitty qumy-p* (ACC) ‘двоих людей’;

Кузнецова [5], Казакевич [6] (1998-1999, 2003) (тур.): *lōzo-qa-t* (DU-POSS.3SG) ‘эти два черта’, *sitty qum-ōqī* (DU) ‘они двое (два человека)’ (только в этом сочетании и только как сабститут личного местоимения), *ṭimña-syqāqī* (COLL.DU) ‘двое братьев’, *šitty ñéñña-syqā* (COLL.DU) ‘две сестры’, *šitty ṭimña-šyt* (COLL.PL), *lozy-t* (PL) ‘два брата, черти’.

4. Заключение

- 1) В результате исследования было выяснено, что использование суффикса *-q(V)* ‘DU’ вместе с существительными в селькупских диалектах и говорах неоднородно – показатель не обнаруживается в ряде материалов, когда присоединяется напрямую к основе (переходные говоры, нарымский диалект) XIX–XXI в., в тоже время он стабильно используется с одушевленными существительными, обозначающими совокупность двух однородных предметов при помощи суффиксов взаимной связи и собирательного множества: *-sa-* ‘RECIP’ / *-mi-* ‘COLL’ + *-qV(q(V))* ‘DU(-DU)’.
- 2) В материалах XX в. ЛЯНС по нарымскому диалекту (южная часть языковой территории) и иванкинскому говору среднеобского диалекта суффикс *-q(V)* ‘DU’ не используется (за исключением терминов родства вместе с *-sa-* ‘RECIP’). Вместо этого в нарымских материалах фиксируются новообразования *-št-ja* ‘DU-DU’ и *-št-ja-q(V)* ‘DU-DU-DU’, в иванкинских – отдельные примеры на *-št-ja* ‘DU-DU’.
- 3) В васюганских данных ЛЯНС и данных по северным диалектам за XX–XXI в. обнаружены случаи появления удвоенного дуалиса с суффиксами взаимной связи или собирательного множества: *-sa-* ‘RECIP’ / *-mi-* ‘COLL’ + *-qV-q(V)* ‘DU-DU’.
- 4) Судя по всему, следует отделять северную часть нарымского ареала с центром в Нарыме и более южную территорию вверх по течению Оби, т.к. в первом случае там используется суффикс *-q(V)* ‘DU’, а во втором отмечаются инновации в виде *-štja* (*-št-ja* ‘DU-DU’) ‘DU’ и *-štjaq(V)* (*-št-ja-q(V)* ‘DU-DU-DU’) ‘DU’.

- 5) Суффикс *-ja* 'DU' встретился только один раз в тымском диалекте.
- 6) Во всех селькупских материалах главной или одной из главных стратегий маркирования двойственности существительных является аналитическая стратегия, при которой используется числительное *sitte* 'два' и существительное в единственном (в отдельных случаях во множественном) числе. Скорее всего, синтетическая и аналитическая стратегии в равной степени были присущи и раньше селькупским диалектам и говорам, однако, со временем, аналитическая стратегия начинает преобладать во всех диалектных зонах.

Сокращения

- 1) БЯ – Белый Яр на Кети, Ванж. – Ванджилыкынак на Тyme, Варг. – Варгананджино на Тyme, Воль. – Вольджа на Чижапке, Ив. – Иванкино – на Оби, Калг. – Калганак на Чижапке, Кён. – Кёнга на Кёнге, Лас. – Ласкино на Оби, Марк. – Марково на Кети, Нап. – Напас на Тyme; Нель. – Нельмач на Парабели, Нюль. – Нюльядрово на Тyme, Пуд. – Пудино на Чузике, Соис. – Соиспаево на Парабели, Тюх. – Тюхтерево на Оби, УО – Усть-Озерное на Кети.
- 2) баи. – баихенский, в.-кет. – верхнекетский, в. Обь – верхняя Обь, в.-таз. – верхнетазовский, в.-тольк. – верхнетолькинский, вас. – васюганский, кар. – карасинский, кет. – кетский, н.-кет. – нижнекетский, н.-чаин. – нижнечаинский, нар. – нарымский, ср.-кет. – среднекетский, ср.-об. – среднеобской, ср. Обь – средняя Обь, ср.-таз. – среднетазовский, таз. – тазовский, тым. – тымский, тур. – туруханский, чаи. – чаинский, чул. – чулымский.
- 3) сель. – селькупы, чум. – чумылькупы, шеш. – шешкупы / шешкумы, сюс. – сюсюкумы.
- 4) ЛЯНС – лаборатория языков народов Сибири, мат. – материалы, ориг. – оригинальные, ПУ – прауральский, самопер. – самопереведенные, сохр. – сохраняется, суф. – суффикс, сущ. – существительное, табл. – таблица, ФВ – фонетический вариант, числ. – числительное.
- 5) ACC – аккузатив, ADJz – адъективизатор, COLL – суффикс собирательной множественности, DU – двойственное число, PL – множественное число, RECIP – суффикс взаимной связи / реципрок, SG – единственное число.

Список литературы / References

- [1]. Беккер Э. Г. Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.07. – Томск, 1984. – 466 с. / Bekker E. G. Grammatical categories of the noun in the southern dialects of the Selkup language: Thesis ... doctor of philological sciences: 10.02.07. – Tomsk, 1984. – 466 p. (in Russian).
- [2]. Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. – 292 с. / Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995. – 292 p. (in Russian).
- [3]. Максимова Н. П. Морфологические способы выражения двойственности в селькупском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984, с. 106–114. / Maksimova N. P. Morphological ways of expressing duality in the Selkup language // Structure of Paleoasiatic and Samoyedic Languages. Tomsk, 1984, pp. 106-114 (in Russian).
- [4]. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980 / Kuznetsova A. I., Helimsky E. A., Grushkina E. V. Sketches of the Selkup language. Taz dialect. Volume 1. Moscow, 1980. (in Russian).
- [5]. Кузнецова А. И. Эволюция категории двойственного числа в баишенском говоре туруханских селькупов // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001 / Kuznetsova A. I. Evolution of the dual number category in

- the Baikha subdialect of the Turukhansk Selkups // *Samoyeds. Materials of the IV Siberian Symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia"*. Tobolsk; Omsk, 2001 (in Russian).
- [6]. Казакевич О. А. Две женщины, семь теснин и тридцать воинов (О выражении квантитативности в фольклорных текстах северных селькупов) // *Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка*. М.: Индрик, 2005. С. 384-399 / Kazakevich O. A. Two women, seven gorges and thirty warriors (On the expression of quantification in the folklore texts of the Northern Selkups) // *Logical analysis of the language. The quantitative aspect of language*. M.: Indrik, 2005. pp. 384-399 (in Russian).
 - [7]. Байдак А. В., Гнездилова Н. С. Двойственное число в южных и центральных диалектах селькупского языка // *Linguistica Uralica*. – 2015. – Vol. 51, Iss. 3. – pp. 212-224 / Baidak A.V., Gnezdilova N. S. The dual number in the southern and central dialects of the Selkup language // *Linguistica Uralica*. – 2015. – Vol. 51, Iss. 3. – pp. 212-224 (in Russian).
 - [8]. Поздеева Г. П. Особенности числового согласования в диалектах селькупского языка: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.02. – Москва, 2015. – 280 с. / Pozdeeva G. Peculiarities of numerical agreement in the dialects of the Selkup language: thesis ... candidate of philological sciences: 02/10/02. – Moscow, 2015. – 280 p. (in Russian).
 - [9]. Lingvodoc. Доступно по ссылке: <http://lingvodoc.ispras.ru> (дата обращения 06.11.2024).
 - [10]. Архив ЛЯНС. Архив лаборатории языков народов Сибири. ТГПУ. Селькупы. Тома: 1–65. Томск, 1952–1985. / The LSIL Archive. Archive of the laboratory of Siberian indigenous languages. TSPU. Selkups. Volumes: 1-65. Tomsk, 1952-1985 (in Russian).
 - [11]. Alatalo, Jarmo (2024). *Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica* (MCOS). Available at: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (accessed: 06.11.2024).
 - [12]. Григоровский Н. П. Азбука сюсогой гулани / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. ABC book for Sjussogoj gulani / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1879. (in Russian).
 - [13]. Григоровский Н. П. Объяснение праздников Св. Церкви. На остячко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879. / Grigorovsky N. P. Explanation of the holidays of the Holy Church. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
 - [14]. Григоровский Н. П. Священная история. На остячко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. Sacred History. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
 - [15]. Григоровский Н. П. Молитвы и о сердечной молитве к Богу. На остячко-самоедском языке / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. Prayers and about the heartfelt prayer to God. In the Ostyak-Samoyed language / Compiled by N. P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Kazan, 1879. (in Russian).
 - [16]. Макарий (Невский), еп. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края, 1887 г. // Приложение № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. / Makary (Nevsky), bish. Materials for familiarization with the dialect of the Ostyaks of the Narym Krai, 1887 // Appendix No. 7 to the report on the Altai and Kyrgyz missions for 1887. (in Russian).
 - [17]. Макарий (Невский), еп. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900 / Makary (Nevsky), bish. Conversations about the true God and the true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900. (in Russian).
 - [18]. Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary // *Uralic and Altaic Series*. Bloomington, 1967. 62 p.
 - [19]. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) Екатеринбург: Институт филологии СО РАН, 2010 / Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect) Yekaterinburg: Institute of Philology SB RAS, 2010 (in Russian).
 - [20]. Janurik T. A. Szölkup nyelvjárások osztályozása // *Nyelvtudományi Közlemények* 80. Budapest, 1978. O. 77–104.
 - [21]. Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages (Handbook of the Uralic Languages: Part 3). Stockholm: Almqvist and Wiksell. 1960.
 - [22]. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1: Селькупская грамматика. Ленинград, 1935 // Prokofiev G. N. Selkup (Ostyako-Samoyedic) language. Part 1: Selkup grammar. Leningrad, 1935.

Информация об авторах / Information about authors

Сергей Васильевич КОВЫЛИН – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования с 2019 года. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, документация и ревитализация исчезающих языков и культур.

Sergei Vasilievich KOVYLIN – Cand. Sci. (Philology), Senior research fellow of the laboratory “Linguistic platforms” of the Institute for System Programming of the RAS since 2019. Research interests: corpus linguistics, computational linguistics, documentation and the revitalization of endangered languages and cultures.